

Кирьякова Велта

Писательница Велта Кирьякова – наша землячка, родилась в г. Кунгуре. Сейчас живет и творит в Петербурге. Автор сборников «Сказки иного мира» и «40 кошек. 9 жизней», книги «Анжелина – хранительница Капеллы». Основательница петербургского литературного объединения «Бронзовый век поэзии и прозы». «Бронзовый век» в 2019 году стал лауреатом премии NCA Saint Petersburg Music Awards (в номинации «Поэзия»), а в 2020 был выдвинут на премию портала Kuda Go (в номинации «Лучшая шоу-программа»).

Как Зема мужа себе добыла.

История-то взаправдошняя. В давние времена, слышь, случилась. Старики любят ее зимой рассказывать, а ребята слушать. Жил-был Никольша – рыбацкий сын, и отец у него рыбаком был, и дед и прадед. Кем бы и ему стать, как не рыбаком тоже, им и стал. Баской парень был, но скромный – по девкам не бегал, на посиделках не сживал, улыбок зря не дарил. Все делом был занят. А какое дело у рыбака – рыбацкое! Вот однажды, в зимнее время, пошел он на рыбалку, а у матушки что-то с утра сердце разыгралось, не пускает сына и все тут. Отец матушку успокоил: лед крепкий, мороз хороший. Но сыну все ж таки приказал далеко на лед не выходить. Сын отца с матерью послушался, не пошел

далеко, пошел прямехонько через лес, к речушке мелкой. Место не завидное, народу там мало ловит, но на одного в самый раз. Сидит, ловит себе – клев хороший, одна рыбешка за другой клюют. Ну... он крупную складывает в корзинку, а мелкую – обратно кидает, по обычаю.

А тут Зема мимо идет. Снегом деревья засыпает, морозом узоры на льду вырисовывает, зверюшкам бойким по носу щелчком бьет. Загляделась она на парня – до чего хорош, серьезный такой, только глаза синие из-под шапки блестят, да губы на морозе разалелись. Вот подумала Зема, что ж это я все одна, да одна брожу, возьму себе мужа, хоть кто на мою красоту полюбуется, и мне повеселей будет. Да только простым людям увидеть ее никак нельзя. Когда уснут лишь, аль помрут – тогда и зрение такое появляется, чтобы всякую невидаль узреть. Стала Зема подмораживать Никольшу, ветром и снегом ему глаза смежать. Да он парень крепкий, глаза рукавом протрет, покрепче закутается – и дальше сидит, разрумянился только от мороза. Разозлилась Зема, ну как подтолкнет его в спину, рыбак и плюхнулся в прорубь. Зема тут руки потерла: либо утонет, либо замерзнет, а все ей достанется. Да только рыбак-то, ежели по чести рыбачит – речных и озерных жителей не обижает, вроде как к Водяному в воеводство приписан, тот и улов подгоняет, и решает, кому быть утопленному и в какой срок. А у Водяного с Земой отношения не простые, морозит она ему воду, рыбехам и прочей водной живности обиды чинит часто. Так что заступился Водяной за своего рыбака, под задок водичкой ему плеснул, парнишка -то и выскочил. Мокрый весь, снасть свою утопил, ну, вестимо, ругается, не без того. А Земе он еще больше понравился. Начала она его мокрого крепче подмораживать. Да парень-то не первый день на свете жил. Огонь добыл, разжег костер и обсушился, ухи еще сварил, да и совсем согрелся. Вещи собрал, которые не потопли, и собрался домой. Видать, правду материнское сердце чуяло – чуть жизни не решился, пора и честь знать. А Земе это не по нраву – в деревне печки дымные, люди горячие, бабки есть такие, что мигом парню оберегов от нее понаделают – не добраться будет. Пошел Никольша домой через лес. А Зема растолкала Лешего ото сна и давай ему приказывать: запутай,

мне парня, говорит, не то я все твое лесное хозяйство поморожу, всех зверушек замету, все деревья погублю. Что делать? Взял Леший под козырек и давай кружить путника. Лесок -то всего ничего, три сосны, да елка. Но Лешак, хоть и спросонья, дело свое понимает. Идет Никольша, идет, уже пора бы и к деревне выйти, ан нет, к той же речке выходит. На солнце посмотрит, на деревья – видит деревню свою, и тропинку видит. Все вроде на месте. Опять пошел и опять к тому же месту возвратился. А солнце уж садится. В потемках идти несподручно, и уж волки завывать начали. Подумал рыбак, покумекал, да догадался, что это леший его кружит. Чудно конечно, лешие до весны спать должны, но, по-другому не складывается. Переобул Никольша обувку: правый валенок на левую ногу одел, а левый на правую, тулуп наизнанку вывернул, и пошел снова по тропинке, так и сошел с заговоренного места. Зема к Лешему подлетела, за грудки схватила, да у того оправдание – ничего он супротив обычая сделать не может. По правде говоря, спать ему хотелось, он ради развлечения и от скуки людей привык путать, а не со зла и не по приказу.

Разбушевалась тогда Зема пуще прежнего, подняла вихрь снежный и засыпала Никольшу снегом с ног до головы. Чует парнишка – беда пришла: ни рукой, ни ногой не пошевелить. А в снегу ему тепло вдруг стало – глаза сами собой закрываться начали. Знает он, что нельзя засыпать, а Зема ему песни свои напевает. Тихонько так, ласково, как колыбельную. Так и заснул Никольша. Заснул и видит все по -другому, Иначе чем всегда. Видит он себя со стороны – как погибает он в сугробе, и помочь ему некому. Видит матушку свою и отца, как они соседей собирают: с огнями его, Никольшу искать. И видит он девицу красоты неописанной, ростом до неба, что вынимает его из сугроба и несет куда-то. И так ему сладко и хорошо лежать на ее руках, да любоваться ее лицом белым, что не хочется даже шевелиться. Оказался он в избе просторной у девицы-великанши. Каждая светлица драгоценными камнями убрана, блестит все, переливается. Лавки мехами покрыты дорогими, окна и двери резьбой украшены тонкой работы. Положила девица его на лавку и говорит: «Вот и дом мой, по нраву ли тебе?»

– По нраву-то по нраву, говорит Никольша, только большое все очень. Засмеялась Зема: «И я поди для тебя большая»? Засмутился Никольша, не умел он с девками беседы вести, на рыбалке-то не очень говорить научишься, там рыбы одни, да и те немые.

– Да, говорит, большевата.

– А так, – Зема спрашивает, и тут же меньше стала, ростом с обычного человека. Смотрит Никольша – за такую девку парни бы все в деревне передрались.

– Красивая ты, говорит.

– А замуж бы взял ты меня?

– Это надо у матушки с отцом спросить, – отвечает, смотря, как ты по хозяйству управляешься.

Тут Зема сперва брови нахмурила, а потом и засмеялась: «Хозяйство у меня свое, управляюсь. А к матушке и отцу ходу тебе нет. Выбирай – либо берешь меня в жены, и все мое – твоим будет, либо быть тебе по весне лисицами обглоданным, людьми не найденным, землей не принятым. Даю тебе сроку на раздумья три дни». Топнула тут Зема ножкой и вылетела в окно.

Побродил Никольша по дому, подивился богатству, сунулся было во двор – да у ворот медведи-бураны службу несут, вихри-волки под окнами свою песнь завывают. Видать и правда – ходу нет. Вот живет он день, другой, служат ему звери и птицы, ветры буйные и тихие, невидь лесная и нечисть домашняя, только людей нет никого, ни одной живой души. Рыбаки -то без людей привычны жить, болтовни им не надобно, так что Никольша не заскучал, понравилось ему жить без забот. Вернулась Зема, взял он ее в жены, зажили они миром. По молодому делу супруг-то новоиспеченный сперва и родителей забыл. Жена оказалась уж больно ласковая да покладистая, и не угадал бы никто, видно крепко к сердцу ей муженек припал. Так и прожили год с того дня, что Никольшу снегом завалило.

Вспомнилось ему все как вчера, спохватился он, вспомнил о стариках своих, загрустил. Углядела это жена, к мужу ластится – что, мол, любезный друг, невесел, чем не потрафила тебе, чем обидела? Поделился Никольша с женой думой своей – как, дескать, родители без него живут, кто им помощником на

закатных годах будет? Тут Зема его успокоила, не забыла она о свекровушке и свекре, живут, они безбедно, всем деревенским на зависть. Откупилась она от их слез серебром да камнями дорогими – во время поисков сына наткнулись на клад богатый, хоть горя меньше и не стало, зато уж в старости у чужих людей милости не придется просить. Отпустило немного Никольшу, но все ж таки не совсем. Повидать бы еще родные лица, говорит, отпустила б повидаться, просит. Нахмурилась Зема, не могу, говорит, тебя отпустить ни на денечек, – разъярюсь на мир, все льдом покрою, все снегом замету. Вот что, говорит, покажу я тебе матушку с батюшкой, увидишь, что с ними все хорошо, может, уймешься. Взяла она льдину большую, поставила посередине горницы, крутанула – глядись, говорит, в нее пристальнее. Смотрит Никольша, смотрит, и как вживе, видит в ней дом свой, снегами занесенный, окошко светится, в окошке и мать увидал, как она кутью выставляет, да слезы утирает потихоньку. Отца тоже поглядел, тот ребятишкам соседним игрушки вырезал, да тоже шурился, от жены незаметно. Постарели они, с горя, видно, да ничего, держатся.

Успокоился Никольша, условились они с женой, что каждый год она будет ему в зеркало показывать прежний дом и родичей и зажили они, как и прежде, в любви и согласии. Вот через год смотрит Никольша в зеркало, а там мутно все видно, силуэты только, лиц никак не увидеть. Стал снова у жены проситься домой, а та в слезы, да крик, разбуянилась так, что все слуги под лавки попрятались, сосульки с крыши осыпались, и камения самоцветные потрескались. Для вида уступил ей Никольша, а сам думу думает, как же домой-то ему наведаться. Вот он говорит жене: «К моим родичам ты не хочешь меня отпустить, может, к твоим наведемся? А то, будто ты меня стыдишься, ни с отцом, ни с матерью не знакомишь». А сам думает – как бы по дороге сбежать. Говорит ему Зема: «Что ж, наступит ночь – поедем в гости к моему младшему брату».

Сели они в сани, запряженные стаей белых сов, и поехали по небу. Испугался Никольша: высоко, звезды кругом сверкают, под санями земли не видать. Подъехали они к высокому светлому терему, выходит им навстречу сам Месяц, обнимает сестру и

зятя, ведет их в палаты звездные, хрусталем да серебром изукрашенные. Каждый шаг звоном отзывается, переливами вглубь уходит, а потом возвращается сполохом огненным по сводам. Просидели они в гостях у брата аж до самой зари, ведя беседы приятные. Вот уже время и честь знать – домой отправляться. Улучил Никольша минутку и просит Месяц опустить его на землю и указать дорогу к родителям, чтобы хоть часок с ними провести, узнать как им поживается. Омрачился Месяц: «Не могу я пойти против сестры старшей, крутой норов у нее, хватит у нее сил замести мои чертоги, темны будут ночи для людей. Разве что попроси Солнце – нашего старшего брата, только его сестра боится и не пойдет супротив его слова». Простились они дружески, и вернулся Никольша с женой в свои чертоги.

На следующий день просит он Зему: «Поедем в гости к твоему старшему брату». Сели они в сани, запряженные стаей белых ворон, и поехали по небу. Подъехали к терему, а он ярче прежнего сияет, на порог выходит Солнце, приветствует сестру и зятя, ведет их в палаты. А они теперь яхонтами да золотом сверкают. Кругом птицы щебечут, цветы невиданные распускаются. За столом богатым проговорили гости с хозяином весь день, пора и домой собираться. Улучил Никольша минутку и с Солнцем наедине остался, рассказал он о своей просьбе, низко в ноги поклонился. Омрачилось Солнце: «Не хотелось бы мне сестру любимую огорчать, но и тебе любезный зятек, не гоже под замком сидеть, да бабьи сказки слушать. Ступай на землю, да узнай все сам, а с сестрой я поговорю». Махнул платком вышитым и оказался Никольша на земле, в своей деревне.

Пошел парень к своей избе, идет, а сам боится, как-то его матушка с батюшкой встретят. Как бы не напугать их, ведь наверняка его уж похоронили. Подошел к дому, решил сперва в окно заглянуть. Наклонился, видит свое отражение в узорах ледяных, и родителей фигуры за столом сидят, чай, видно, пьют. Подышал он на окошко, чтобы получше рассмотреть, да только что-то не оттаяло оно. Постучал раз – другой, двери ему и отворили. Только глядит – не отец вовсе это, а другой человек. Стоит Никольша, не знает, что и сказать. Тут и женщина вышла в

сени – не матушка, другая. А в доме ребятня шумит – веселится. Переглянулась пара, да пригласила незваного гостя в дом зайти – заходи, говорят, дедушка. Думает парнишка, какой- же я дедушка. Опять в окно замерзшее взглянул – в отражении он все такой же. Руками лицо потрогал, и правда – морщины на лице. Остолбенел Никольша. Под руки его взяли, завели в дом, на лавку усадили, чаю налили. Отошел он, огляделся – все по-прежнему стоит, и печка, и лавка, только утварь другая, да занавески. Стал он расспрашивать, где же прежние хозяева. Говорят ему, что прежние хозяева лет пять, как умерли от старости, детей у них не было, вот на сходе и порешили их дом отдать кому нужнее. Не понял Никольша ничего, как же от старости умерли пять лет назад, коли он всего два года у Земы прожил. Спросил он о сыне прежних хозяев, да люди о том и не слыхивали, давние то дела, ответили. Сходи, говорят, к бабке Пανε, что на краю деревни живет, она вроде как дружила с покойными.

Попрощался Никольша с хозяевами, да пошел куда направили. Идет, себя все за лицо хватает – вроде старый. Заглядывает в окна – видит себя молодого. Так и шел всю дорогу. Видит, бабушка старенькая ковыляет как раз к дому на краю деревни, он и пошел с ней рядом. Спросил он у нее про родителей своих и про себя, так она ему и рассказала, что сын рыбацкий пропал, без малого, шестьдесят лет назад. Искали его долго, да не нашли. Зато нашли клад богатый. Жили его родители дружно, держались друг за друга, богатство неожиданное не таили, ребятишек соседских баловали, сырых одаривали, путников привечали. Матушка до конца не верила, что сын ее не вернется, все ждала его. Задумался Никольша. Чудно больно. Видать, пока у Земы третий год пошел, в деревне полвека прошло с гаком. Бабка как раз к дому подошла своему и попрощалась. Стал бедолага, голову повесил. Что делать, куда податься, – не знает.

Огляделся – стоит он на краю деревни, ограда рядом. А за оградой Зема стоит, на него смотрит молча, слезы из глаз льются, да льдинками на землю падают. Хотел было ей слово злое

сказать, а и слов то нет. Что тут скажешь... Батюшку с матушкой не вернуть. Вернулся Никольша с Земой в ее чертоги. Стали они жить-поживать. Зема с тех пор как шелковая стала. Стоит ей только расшуметься, разбуяниться, Никольша на нее строго взглянет и она вмиг утихнет.

Каждый год теперь она отпускает Никольшу в свою деревню. Ходит он седым стариком меж домов, стучится в окна и двери. Тому, кто странника пустит в дом, обогреет да беседой потешит – оставит подарков в память о себе и родителях, тому кто гостей не привечает – избу выморозит. А отличить его можно, ежели приглядеться. В отражении ледяном он по-прежнему молодой парень. Да еще, во дворце Земы он таков, каким она его из мира забрала. Так рассказывают.

Автор: Велта Кирьякова

«Баба Яга»

Как ни тяжело было Люсеньке это признать, но, похоже, режиссер был прав. Она – бездарность. Провалила пробу на элементарную роль Бабы Яги в детском спектакле. Она так гордилась своим быстрым, подвижным, каучуковым лицом, отражающим любую мысль, промелькнувшую даже на мгновение. Но режиссер отнесся к ее усилиям скептически:

– Ну что вы кривляетесь и скалитесь, как Джим Кэрри? Ну зачем? Кому это интересно? Баба Яга в первую очередь – одинокая женщина, с израненной душой, лишенная радости материнства, истосковавшаяся по мужскому вниманию. Эта роль играется взглядом! Паузой! На полутонах! А с вашей мимикой ее даже Змей Горыныч замуж не возьмет. Ну разве вам самой не видно, в чем ваши сильные стороны? Прямой нос, аристократически тонкие губы – вам надо Анну Каренину, Офелию играть с таким лицом, а не клоунаду разыгрывать.

– Да! Да! Я и сама очень хочу Анну Каренину! Офелию! Но начинать с кого-то надо. Вот я...

– Ну, допустим с Офелией и Карениной я так, к слову сказал, погорячился. Рост у вас маловат для таких ролей. Но могу предложить вам в моей постановке партию Гриба в кордебалете.

Люсенька входила в темную парадную, нервно зажав связку ключей, по привычке, для безопасности. Район был беспокойный.

– Роль Гриба! Мерзавец! Да как он посмел?! – кричала часть израненной, как у Бабы Яги, души.

А холодный расчет напомнил о том, что многие актрисы начинали с ролей Грибов! Какие многие? Неважно! Многие! Может, даже Мерил Стрип когда-то играла поганку, кто ее знает. И вообще, нет плохих ролей! Есть плохие актеры! И надо так сыграть этого разнесчастливого Гриба, чтобы Михалков, нет... Федор Бондарчук пригласил тебя на свой следующий фильм, на роль главного Гриба-пришельца! И сценарий написал специально под тебя!

– Слышь, штаны снимай!, – Раздался позади хриплый голос, а шею прихватила липкая холодная ручища.

Люсенька в пылу внутренних споров не обратила внимания на гроыхнувшую дверь, и необдуманно вызвала лифт, вместо того, чтобы быстренько подняться по лестнице. Так что сейчас стояла, прижатая прямо к грязным исписанным и исхарканным дверям. Ключи, которые предполагалось использовать в качестве оружия защиты, из руки вывалились сразу же.

Психологи рекомендовали в такой ситуации вызвать отвращение – обделаться, вызвать рвоту, пустить слюну изо рта, но только не на насильника, – мелькнула спасительная мысль. Но как назло во рту пересохло, а уж про остальное и говорить нечего. Люсенька следила за фигурой, поэтому ела крайне мало, и в последний раз часов 6 назад. Так что вызывать отвращение было попросту нечем.

– Да, да, я сейчас, – Проблеяла она тоненьким как козочка из сказки голоском.

Рука немного разжалась и Люсеньке удалось повернуться к нападавшему. Сгруппировавшись, она нанесла неожиданный удар – ее лицо, доселе хранившее печальное, задумчивое и чуть гневное выражение, начало меняться. Тонкие аристократические губы, привлекая внимание режиссера, вдруг начали вываливаться за пределы лица и наливаясь кровью. А сам рот, алчно поблескивая в темноте парадной, выгнулся подковой, обнажая неровные желтоватые зубы. Прямой нос принял форму угловатой загогулины, нависающей над нижней губой. А глаза превратились в раскосые щели, занавешенные невесть откуда взявшимися веками пьяного бомжа на сороковой день беспробудных возлияний.

Насильник взвизгнул и отпрыгнул на несколько метров назад. Но Люсеньке этого показалось мало. Успешно симитировав пугающую походку клоуна из нашумевшего ужастика она затрясла головой и ринулась вперед. Для полноты ощущений публики, состоявшей из одного нападавшего, девушка еще и скосила глаза.

Крики, рыдания и мокрое пятно на полу парадной Люсенька приняла как высокую оценку ее актерского дарования.

Эту историю насильник в полицейском участке и Люсенька в Фейсбуке описывали по-разному, но в обоих случаях слушатели была в полном восторге. А лицо бешеного сома-убийцы, как окрестила его начинающая актриса, в конечном итоге, стало ее визитной карточкой. И, хотя, Офелию, Анну Каренину или Гриб из кордебалета ей так и не удалось сыграть, она стала достаточно популярной актрисой фильмов в стиле хоррор. И на всех интервью не уставала повторять «Не бывает плохих ролей! Бывают только плохие актеры!». А потом немного подумав, добавляла: «Или режиссеры».

Автор: Велта Кирьякова

ХитроЛис

Не прошло и двух лет, как я написала новую сказку, или

правильнее – придумала персонажа, про которого можно писать бесконечно)) У него славное старинное имя, данное в честь пра-пра-прадедушки из Франции, но сам герой все же из России.

ХитроЛис – это забавный лисенок с рисунков талантливой художницы из Петербурга – Polina Minimalina

С ним происходят очень простые истории, а я их записываю для вас. Все они начинаются одинаково: «Однажды, когда ХитроЛис был...»

– Однажды, когда ХитроЛис был подростком, бабушка сказала ему, что мужчина в давние времена должен был съесть сотню пельменей, когда нанимался на работу, чтобы все сказали, что он настоящий мужик. И тогда ХитроЛис решил доказать, что он настоящий Лис и съесть 50 пельменей. А его сестра ХитроЛиза сказала, что нипочем ему не уступит, и что Лисицы ничем не хуже Лис, Лисей, Лисов...в общем, ничем не хуже. И они съели по 50 пельменей, с хлебом и молоком, потому что так вкуснее. И потом оба лежали на полу и кричали «Ой-ой-ой», а иногда еще «Ай-ай-ай». А бабушка бегала между ними и не знала, то ли радоваться, потому что у нее сбылась мечта всех бабушек, то ли скорую вызывать...

– Однажды, когда ХитроЛис был взрослым, ему не хотелось идти на работу, а хотелось играть в танчики и быть рыжим, свободным и беззаботным. Тогда он позвонил начальнику и сказал, что заболел. Он весь день играл и громко ругался на противников. Так что сорвал голос. Поэтому, когда он на следующий день вышел на работу, все ему сочувствовали и советовали пить чай с имбирем, лимоном и медом. Он чувствовал себя Великим Обманщиком и Самым Хитрым лисом в округе. А чай пил, потому что это вкусно.

– Однажды, когда ХитроЛис был маленьким, он решил стать рок-звездой. Для этого он откладывал весь год свои карманные деньги и купил гитару. Он позвал всех друзей и родных в гости, вышел в серединку комнаты и ударил по струнам. Но гитара

сказала «дрзямбр», он еще раз ударил по струнам, точно так же как известный музыкант, но гитара сказала «брррууумм». Тогда ХитроЛис расплакался. Он ведь делал все правильно, как делают настоящие рок-звезды. Но родители сказали, что всему надо учиться. Тогда ХитроЛис подумал, что не хочет быть рок-звездой.

– Однажды, когда ХитроЛис был маленьким, он влюбился. Он подошел к самой красивой Лисичке и сделал Кусь. Все думали, что Лисичка его побьет в ответ, но она сказала: «так не правильно, смотри как надо», взяла его за лапку и поцеловала. А ХитроЛис застеснялся и убежал.

– Однажды, когда ХитроЛис был взрослым, он путешествовал и остановился в уютной маленькой гостинице. На утро его позвали завтракать. Он сидел за общим столом, и видел как все едят тосты с маслом и джемом. Тогда он протянул лапки и взял себе тоже тост. Почему то все замолчали, а один гость покраснел и выглядел очень испуганным. Тогда ХитроЛис понял, что это были совсем не общие тосты. Он очень извинялся, и все смеялись и говорили «ничего страшного». А потом пили чай с молоком и болтали всякую всячину.

– Однажды, когда ХитроЛис был маленьким, к его бабушке в гости пришла подруга – овчарка Ава со своим внуком Тоби. Ава посадила Тоби на диван и строго-настрого наказала не шалить! А ХитроЛису очень захотелось поиграть в привидения. И он стал уговаривать Тоби помочь ему снять бабушкину тюль. Но малыш был хорошо воспитанным щенком, не поддавался на уговоры и вообще старался даже не смотреть в сторону шалостей. Тогда ХитроЛис принес Тоби одну из котлет, которые бабушка жарила на кухне. Бабушка была так увлечена разговором, что и не заметила пропажи. Получив котлету, Тоби встал с дивана, получив вторую – сделал шаг в сторону окна. Оставалась последняя котлета, когда Тоби стоял уже рядом с окном, но тут послышались бабушкины шаги. Тоби мигом оказался на диване с самым примерным видом. А ХитроЛису пришлось идти в магазин за готовыми пирогами. Нельзя же оставлять гостей без угощения!

– Однажды, когда ХитроЛис только стал взрослым, он поехал в гости к своей старшей сестре ХитроЛизе. Он никогда еще не ездил поездом без родителей и очень растерялся. «Что же с собой взять?», – думал ХитроЛис. В результате он взял чайные пакетики, чипсы, газировку и игральные карты. И, конечно, большую сумку с подарками. Когда ХитроЛис оказался в поезде, он вспомнил, что забыл кружку и решил, что может обойтись и без чая. Особенно, если будет спать! Он забрался на верхнюю полку и уснул. Он спал очень долго, а когда проснулся, увидел, что совсем светло. А ведь он должен был сойти ранним утром, когда солнце только встает над горизонтом! «Я проехал свою станцию», – решил ХитроЛис и побежал к начальнику поезда, чтобы его немедленно отправили обратно. Но оказалось, что до места назначения еще целых 4 часа, а светло, потому что ночи здесь белые. Чтобы точно не пропустить свою станцию, ХитроЛис больше не ложился спать. Проводница принесла ему горячего чая в красивом серебряном подстаканнике, и они вместе стали играть в карты.

– Однажды, когда ХитроЛис был подростком, он пошел в лес за ягодами со своей сестрой ХитроЛизой. Бабушка попросила их быть осторожнее и пообещала позвать к обеду звонком колокольчика, который висел у нее над крыльцом. Когда ребята оказались в глубине леса, ХитроЛис начал пугать сестру страшными историями о чудовищах. ХитроЛиза сперва смеялась, но вскоре начала оглядываться по сторонам. И тут недалеко послышался страшный рев. ХитроЛиза обернулась и подозрительно посмотрела на брата. Но ревел не он. Тогда ХитроЛиза сказала дрожащим голосом, что ягод им хватит и надо домой. Они начали выбираться из леса, но рев снова раздался, и, кажется, даже громче чем раньше! И тут же раздался звон колокольчика! «Бабушка увидела чудовище и указывает нам дорогу»- догадался ХитроЛис, и схватив за руку сестру, ринулся из леса. На опушке, он зацепился лапкой за корягу и растянулся во весь рост, рассыпав ягоды. Как же смеялась бабушка, когда ей рассказали эту историю, ведь это мычала соседская корова, которую забыли подоить.

– Однажды, когда ХитроЛис был взрослым, его подруга пригласила поболеть за нее на соревнованиях по конному спорту. ХитроЛис немного боялся, потому что в детстве его сестра ХитроЛиза рассказывала страшные истории, в которых голодные лошадки откусывали головы непослушным лисятам. Конечно, он давно вырос, и подозревал, что ХитроЛиза так говорила из вредности. Ведь он всегда угощал соседскую лошадку яблоком, которое ему давала бабушка с собой на прогулку, а ХитроЛиза такое же яблоко съедала сама и оставалась с пустыми руками. После соревнований, ХитроЛис подошел поздравить подругу с победой, а она попросила его подержать уздечку. Он держал и думал, что лошади очень добрые и красивые. И немного жалел, что у него нет с собой яблок.

– Однажды, когда ХитроЛис был маленьким, он смотрел кино. Там красивая принцесса бегала по лесу и кричала принцу: «Ах, какой ты дурачок», потом заливисто смеялась и убегала. Принц ее долго искал, а потом нашел и поцеловал. Тогда ХитроЛис выбежал на кухню, где мама сидела с подругами и крикнул им «Ах, какие вы дуры» и убежал. Он думал его будут целовать, но получил ремня.

– Однажды, когда ХитроЛис был взрослым, он стоял в пробке, гудел другим водителям, чтобы двигались быстрее и смотрел в окошко. Мимо по лужам шлепал маленький лисенок со своей бабушкой. Бабушка семенила чуть позади и всплескивала руками. Тогда ХитроЛис подумал «А зачем мне стоять тут и гудеть, все равно никто не едет». Он припарковал машину на обочине и достал из багажника абсолютно новые резиновые сапоги, которые купил год назад, чтобы гулять по лесу. Леса рядом не было, зато были лужи и ХитроЛис весело поскакал по ним. В воде отражалось осеннее солнце, новые сапоги и счастливые глаза над черным носом. Так ХитроЛис снова стал маленьким.

Автор: Велта Кирьякова

Иллюстрации: Polina Minimalina

Гражданский Кот

«Нет! Нельзя!»! – Строго повторила я наглой ободранной морде, пытающейся просочиться сквозь дверь.

«Ешь здесь. В дом нельзя!»! – уже менее строго повторила я, увидев знакомое выражение тоски в глазах Кота. Имени у него не было, хотя кто-то пытался звать его Серый, а кто-то Прошей. Но прижилось – Кот.

Отношения с ним иначе как гражданским браком назвать было сложно. Он приходил, мы его кормили и гладили. В самом начале отношений он несколько раз притащил нам дохлую мышь, дабы доказать свою полезность и безуспешно рвался к моим новым занавескам в стиле Прованс, новому же дивану и сосновым полам,

источающим ароматы живого дерева и лако-красочных изделий. Несомненно, для того, чтобы порвать, изгадить и надругаться над простыми мещанскими ценностями. Настоящие попытки, впрочем, он оставил, и лишь формально пытался просунуть морду в щель двери, если я вдруг оставляла ее открытой чуть дольше обычного.

Нет, я не имела ничего против котов. Но я предпочитаю красивых, пушистых зверюшек, которые когда-то сопели у меня на ладошке. А здесь была вполне сформированная личность. Во-первых, это был настоящий уличный кот. Он был какого-то скучного цвета, распространенного в Ленобласти, а одна часть головы у него была кем-то погрызена. Когда его гладили слишком долго, он запросто мог выпустить когти, похожие на ножи Россобахи. При этом гладить его было обязательно, даже еда для него не была столь привлекательной, как человеческие ладони. К тому же он был слишком болтливым – на любой вздох, чих, обращение к нему, раздавался звучный мяв. Что уж говорить, если мы чуть задерживались и он оставался голодным. «Мы не просим, а требуем!» – слышалось в голосе революционно настроенной серой и не пушистой массы. Когда мы занимались какими-то делами во дворе, кот с деловым видом следовал за нами, как член команды. А несколько раз рвался защитить меня от соседских собак, грозно лаявших из-за забора.

Но статус наших отношений оставался неопределенным. Я все мучилась сомнениями. До него к нам ходил другой кот. Вот уж кот как кот. Толстый, пушистый, слова не скажет, когти не выпустит. Год к нему присматривалась, и уже готова была его к себе взять, когда увидела этого изменника выходящим из дома соседа с новым противоблошинным ошейником. Посмотрел он на меня надменным взглядом, говорящим: «Долго ты думала, женщина! Упустила такое сокровище, как я. Плачь теперь, рыдай! Но не вернусь я к тебе никогда!».

«Так то всех котов растеряешь, матушка», – говаривала мне моя совесть в минуты тяжелых раздумий.

«Ничего, – отвечала я ей, – на мой век котов в России хватит. Дождусь своего. Единственного».

А в один день кот пропал. Воспоминанием о нем остался мешок с

10 упаковками кошачьего корма. Он не пришел ни через день, и через три, ни через месяц. А без кота какая жизнь? Стала я заглядываться на всех мимо пробегающих.

«Эй, котик, иди сюда», – кричала им в открытое окно автомобиля. Но видимо, дурная слава котопетрунницы бежала впереди меня. Никто не согласился. Мои 10 упаковок корма грустно лежали под лестницей. «Может котика заведем», – вздыхала я мужу. «Можно», – отвечал муж. И на этом все заканчивалось. «Надо было узаконивать отношения, – ехидно посмеивалась совесть, – говорила я тебе. Коты на дороге не валяются». Я в ответ опускала глаза.

И вот однажды, муж увидел объявление – недалеко от нас, на заводе имеется коробка с котятами. На улице становится холодно и надо бы их разобрать. Мы посмотрели фото и поняли – оно! А то, что не котик это, а кошка – даже и лучше. Зато она трехцветная. А трехцветная, как известно, к счастью. И случились у нас те самые официальные отношения. Кошку с уютным именем Фрося торжественно внесли в дом. И теперь она имеет полное право драть занавески в стиле Прованс, точить когти о новый диван и гадить на сосновый, источающий ароматы живого дерева и лако-красочных изделий, пол.

Автор: Велта Кирьякова

Любовь

– А водичка холодная?

Крепко сбита светловолосая женщина опасно тянула босую ногу к воде. Вика давно уже сердито на нее поглядывала. Неужели та не знает, что на рыбалке нельзя шуметь?

Странно, что дедушка не обращал на суетливую тетю никакого внимания. Он неподвижно смотрел на поплавок. Раз! И маленький пескарик висит на крючке. Дед отдает Вике пескарика, а она уж его выпускает – домой, подрасти немного. Толку от такой мелочи все равно не будет.

Пока они возились с рыбкой, тетя кокетливо приподняла подол платья, обнажив крепкие румяные икры, и зашла в воду.

«Уф, жара стоит...Хоть ноги помочу, все прохладнее», – продолжала она свою болтовню, обращенную к Викиному деду. Он покосился в ее сторону, и глаза его чуть прищурились. Вика знала, что так дед улыбается по-хитрому. Вроде бы и улыбка, а вроде бы и не поймает ее. Крякнул дед и начал сворачивать удочки: «Не выйдет у нас сегодня рыбалки, Викусик, всю рыбу распугали».

Женщина обиженно засопела и поджала губы. А дед весело со свистом собрался, Вику взял за руку – и был таков.

Дома Вика по-деловому доложила бабушке про вредную тетю, которая все болтала и распугала рыбу. «Поэтому и поймали мало», – закончила она. Бабушка и так не любит, когда дед на рыбалку ходит. Все грозит, что Щука его заберет. Но дед всегда выкладывает с шутками свой улов, и тогда вся семья садится чистить рыбу. А потом по настроению – или бабушка пироги испечет, или дедушка сварит рыбацкую уху, которую он не доверяет варить никому другому. Сегодня дед обещался сделать специальный омлет с пескарями «по-крестьянски». Сказал, что рыбы на него хватит как раз.

Только бабушка была не рада таким новостям. Вика не сразу и поняла, что сболтнула что-то не то. Руки бабушка поставила в боки, а брови нахмурила.

«О, гроза начинается, – засмеялся дед, – Викуся, беги, прячься». А дальше и правда началась гроза. Ее Вика слышала из соседней комнаты, где она уместилась на подоконнике. Сидела, обглаживала недовяленных рыбок, висящих на окне, и все в толк

взять не могла, что это бабушка вдруг рассердилась.

«Ах, ты старый пень! Глазки молодкам строишь! Ишь, голова седая, а туда же! И кто это был? Ну-ка, ну-ка? Это Машка, небось твоя, все хвостом перед тобой вертит?» – вот так бабушка кричала. А Вика хотела пойти и сказать, что ничего и не было такого, и дедушка даже и не разговаривал с той теткой. Но пойти не осмелилась. Бабушке под горячую руку попадаться не стоило. Деду еще больше попадет за маленькую защитницу. Пройдено не раз. Хорошо, что бабушка отходчива. Вот и тут, дед что-то пробасил-пробасил тихонько, и затихло.

Вика с любопытством выглянула в гостиную. На столе стояла шахматная доска и была начата партия шашек. Игра уже шла вовсю. И бабушка снова начала заводиться: «Ах ты ж, жулик! Настоящий жулик! Опять меня запер? Вот куда я должна ходить?».

«А почему меня не позвали?» – разочарованно протянула девочка. И бабушка тут же кинулась ее утешать, что играют на вылет. А она, внучка, будет играть с победителем. И пока бабушка отвлеклась на разговор, дедушка хитро посмотрел на Вику, и одну свою шашку, черненькую, припрятал.

У Вики аж рот от удивления открылся: «Неужели бабушка права, а дедушка жулит?»

А бабушка тем временем вернулась к игре и обнаружила, что попадает прямо в дамки: «Ох, как это я проглядела, а ты, старый, небось и рад не рад, что чуть не выиграл». Исход партии был предрешен, и Вика заняла свое место в игре. Бабушку она обыграла легко. Но впервые задумалась. Как так, бабушку она всегда обыгрывает, а дедушку очень редко. А в то же время дедушка бабушке проигрывает почти всегда. Кто же самый главный чемпион у них?

Вечером, она лежала у дедушки в комнате на диване и допытывалась: «Вот деда, ты почему бабушке поддался? Чтобы она не кричала, да?»

А дед знай себе улыбается.

Вика соорудила хитрую мордашку и поделилась своей догадкой: «Это, наверное, потому что ты ее любишь! Жених и невеста-тили-тили тесто».

– У нас говорят «жалеешь» вместо любишь.

– А у нас, это где?

– В деревне. Я же деревенский. Помнишь, к прабабушке ездили? Вот там.

– А меня ты жалеешь? Почему тогда мне не поддаешься?

– А кто сказал, что не поддаюсь? Думаешь, ты у меня и правда в прошлый раз выиграла? Никто у меня выиграть не может. Я самый главный чемпион.

Тут дед раскатисто расхохотался.

Вика надулась. Но быстро сообразила, что дед ее «покупает».

– Ой, и хитрый ты, деда. Я же видела, как ты злился. Нет, я взаправду у тебя выиграла!

– Вот поэтому и не поддаюсь. Тебе учиться выигрывать надо «взаправду». И проигрывать тоже. Мы тебе все можем поддаваться, ты будешь думать, что выигрываешь. А потом пойдешь во двор играть, а там тоже такой мамкин «чемпион», и будете вы вместо шашек драки устраивать, да плач, кто кому поддаться должен.

Вика еще повертелась немного, посмотрела, как дед читает толстую книжку, да и пошла к себе спать. Перед тем, как уснуть, она еще немного подумала о том, как же узнать, любит ее дедушка по-настоящему или нет. Жалеет ли? И решила попросить себе «Мальвину». Эта кукла стояла в большом магазине в «Черемушках» и стоила целых пятнадцать рублей. У нее были настоящие голубые волосы, на глазах были пластмассовые, а не

нарисованные реснички, и все платье у нее было в нежнейших розово-сиреневых оборках. А у дедушки, по словам бабушки, «снега зимой не допросишься» и вообще он «куркуль». Вика так поняла, что слово это означало, что дед больше всего любит деньги. Так вот, если дедушка подарит ей такую дорогую куклу, значит он ее, Вику, любит даже больше денег. С этими мыслями она и уснула.

Утром, дед собирался на работу, и делал зарядку. Вика проснулась от привычного «...и раз, и два...». Как всегда, на тумбочке рядом с кроватью, стоял стакан подогретого молока. Ей все никак не удавалось застать тот момент, когда дедушка ставит его. Казалось, каждый раз он появляется по-волшебству.

«До вечера»- помахал рукой ей дед.

«До вечера» – помахала она ему в ответ и выпила молоко. Оно растеклось внутри своим теплом и уверенностью, что дедушка ее любит. Взаправду.

Автор: Велта Кирьякова

Медвежья невеста.

Расскажу, как на гербе нашего города медведь оказался. Оно, конечно, зверь общий для этих мест, да для нас он вроде спасителя стал. Не так давно, как в сказках сказывается, но по нашему- давненько, было здесь поселение. Десяток дворов, тыном огорожены. От татар строили, повадились, вишь, они купцов солью грабить, да в полон уводить. Вот на том пути купцовом и построили вроде как приют. Поселение в низине получилось, рядом речка, да лес на пригорке. Лес богатый- дичи и зверя

всякого там полно, грибов, ягод. Живи да радуйся. Ну отстреливаться от татар поперву приходилось, а потом они и соваться перестали, народ совсем хорошо зажил. Кто рыбу ловит, кто на охоту ходит, кто в город на заработки, бабы в огородах копаются, да хозяйство держат. А как караван с солью пройдет- все при деньгах оказываются, платят купцы и за постой и за еду.

Головой тогда была Наталья, вдовица прежнего головы. Баба бойкая, расторопная, голос звонкий. Очень ее уважали в деревне. Все по чести и судила, и помогала, и народ могла взбаламутить хоть на пожар, хоть дом построить, хоть песни петь. И дети у нее были всем на радость – вежливые, расторопные, да баские, хоть и в строгости их мать держала. Да и сама красавица- широкая, словно печь, лицо белое, щеки румяные, коса до пояса, в руку толщиной. Мужики то почитай все женаты были, а парни молодые заглядывались, кто-то даже свататься пытался, да веселая она на язык была, мигом на место поставила. И деревне всей передать велела, что взамуж больше не собирается. Один только неженатый мужик в деревне был – Фрол Потапыч. Да он нелюдимый был, жил на отшибе, больше к нему приходили- починить чего. На все руки был мастер. Рыбачил тоже и на охоту иногда ходил, никогда с пустыми руками не возвращался. Он тоже на Наталью заглядывался. По возрасту ей больше подходил, чем юнцы безусые, но после ее ответа, что замуж она не пойдет, не решился он, видимо, счастья попытать. Деревенские кумушки иной раз ему выговаривали за то, все свести их пытались. Но он упрямый был, раз, дескать, баба сказала, что не нужен ей муж, то навязываться не буду. Так вот и жили в деревне.

А раз весной мужики в городе были, на ярмарке. Тогда на ярмарку уезжали не на день и не на два, поболее. Жен с собой кто взял, кто нет. Дедам пищали раздали на случай татар, да и бабы были все не робкого десятка, стрелять умели.

Пришла беда откуда не ждали. Лед на реке пошел раньше времени. Зима в том году уродилась снежная, льду много было. Вот речка

то и разлилась. На другом берегу лес на пригорке, туда вода не доберется, а у нас низина, все к нам залилось. Сперва думали, пронесет Бог мимо. Ан нет. Уже вода к дворам пробралась. Вот - вот зальет. Лодка была у кого- унесло еще ночью водой. Ну Наталья всех собрала, всем приказала взять только важное и собраться в дальнем от реки доме. Начали всем селом думать, может кого послать речку переплыть, да за помощью в город податься. Смелчаки, конечно, были, да только смысла в их смелости не было. Вода то ледяная, весенняя, скрутит, на дно потянет.

А река то все прибывает, вот уже дома топить начало. На чердак все полезли. Тут Фрол и говорит.

– Могу я помощь привести, через реку переплыву. Только, чур, чтобы не увидели – молчок, и не пугаться, бабам и детям- не визжать.

Никто ничего не понял, что он говорит. Но он еще раз спросил, готовы ли все на такое обещание. Ну, народ думает, поехала крыша у мужичка. Машут рукой на него, садись, да успокойся, говорят, а то свяжем. Но Наталья на него посмотрела, и, видать, заметила, что серьезно он говорит. На всех цыкнула и от лица всей деревни ему обещание дала.

Тут Фрол спускается к воде, а она ему уже по грудь. Народ шумит в окна смотрит, всем любопытство- посмотреть, чего он там удумал. А он перекувырнулся через спину, да в здорового медведя оборотился. Все так и ахнули. Бабы завывать пытались, да Наталья на них так зыркнула, что мигом все замолкли.

Вот медведь на них оглянулся, да пошел к речке. Вошел в воду и поплыл на другой берег. Тут только у всех языки развязались. Как же, столько лет жили с оборотнем, сами того не зная. Кто причитать начал, что детушек малых он в лес утащит, а кто и разумно говорить, что до сих пор никого не утащил, чего и беспокоить себя. Смотрят, а медведь уже на другом берегу в лес входит.

Вода тем временем уже комнаты залила. Злые языки начали

говорить, что Фрол сам только спастись хотел, про них уж и забыл.

Час прошел, другой, воды все больше. Люди совсем уже отчаялись, до города полдня пути, пока он до города и обратно доберется, все потопнут. Тут то видят, выходит из леса медведь, а за ним еще, да еще. Вышел десяток медведей огромных, видно взрослых самцов. И вошли в воду. Фыркают, холодно, видно, но плывут. Тут аж в крике одна баба зашлась, приблизилось ей, что Фрол медведей привел, чтобы ее малых деток сожрать. Успокоили ее, все одно, что от медведей погибнуть, что утонут ее детушки, а Фрол все ж из их деревни, не чужой, глядишь и поможет.

Первый медведь доплыл до дома и голос подал. Наталья тут и решилась - спустилась с детьми своими. Медведь стоит, не нападает. Головой только мотнул, Наталья тут догадалась. Посадила на спину ему детей, он и поплыл на другой берег. Тут другие медведи начали подходить. Народ чуду дивуется, а о себе не забывает.

Посадили сперва детей, их перевезли. Стариков потом перевезли, чтобы о детях позаботиться. Они и костер развели, детей согревать начали. Тут и взрослым настала пора перебираться. Подошел главный медведь к Наталье, головой опять ей мотает, мол, садись на спину. А Наталью что-то стыд взял.

-Я, говорит, здоровущая очень, вдруг тебе спину то раздавлю.

Ну, тут медведь поднялся на задние лапы. Увидала глупая баба, кто тут есть здоровущий. Села она на спину медведю и поплыла, и остальные, кто оставался, тоже сели. Так всех жителей и переправили на тот берег. Там поклонились они медведям в пояс, а те им головой помахали, навроде приняли благодарность и в лес отправились. А большой медведь опять перекувырнулся и обратно в Фрола превратился. Начали его жители благодарить, по плечам хлопать, обещали помнить его доброту. Но Фрол видно не первый год в этом мире жил. Знал, что людская благодарность и боком когда-то выйти может. Поклонился всем и заявил, что

уходит он из деревни, просил зла не вспоминать, добро помнить, а рот на замке держать. Народ для вида поугovarивал остаться, да недолго. Все ж с оборотнем в одной деревне жить страшновато.

Собрался Фрол уходить, а Наталья к нему подходит и в сторонку отводит. Интересуется, где он теперь жить будет, что делать. Фрол рассказывает, а она глазами его так и сверлит и щеки рдеют, как у девки молодой.

-Возьмите, говорит, меня с собой, Фрол Потапыч. Век не забуду вашей смелости, хочу добром отплатить. Буду вам верной, да любящей женой.

Ну Фрол растерялся, как так, не испугалась она его вида безобразного, и хочет его счастье составить. Не каждая такую смелость имеет. Подумал, что из благодарности одной. Хотел было отговорить, да взглянул в глаза Наталье, а они так и светятся. Что с баб взять, не головой они думают, а сердцем. Тут они вышли к деревне, да и объявили, что женятся, а уйдут вместе попозже, после свадьбы. Вот деревенские все удивились, но отговаривать Наталью не стали. Видимо только его она и ждала, замуж не выходила, чего ж теперь мешать.

Когда вода схлынула и дома прибрали, справили свадьбу всей деревней. Надарили на дорогу денег Наталье, детям ее и Фролу. Проводили с песнями. Говорят, видели ее потом в городе с сыновьями уже взрослыми, на ярмарке. Еще шире стала, еще румянее, только что коса чуть поседела.

А деревня наша все росла, росла, а потом и в город превратилась, завод вон построили. И когда герб нам придумывали, выдумывать не пришлось- медведя посадили в серединку. Спасителя нашего.

Так то.

Авторская сказка В.Кирьяковой

